



## <Из Жития протопопа Аввакума>

Паки реку московское бытие.

Видят оне<sup>1</sup>, что я не соединяюся с ними. Приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу<sup>2</sup>, чтобы я молчал, и я потешил ево: царь-то есть от бога учинен, а се добренек до меня, чаял, либо помаленку исправится. А се посулили мне — Симеонова дни<sup>3</sup> сесть на Печатном дворе книги править, и я рад силно: мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублей денег, царица — десеть рублей же денег, Лукъян-духовник<sup>4</sup> — десеть рублей же, Родион Стрешнев — десеть рублей же, а дружище наше старое Феодор Ртищев<sup>5</sup> — тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть. А про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе<sup>6</sup>, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна<sup>7</sup>, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские, покойницы<sup>8</sup>, всегда же в дому был. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче молва бывает, паки заворчал, написав царю<sup>9</sup> многонок-таки, чтобы он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым<sup>10</sup>, что после отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повеся на виселицу. Он же с писмом приступил к Цареве корете со дерзновением, и царь велел ево посадить — и с писмом — под Красное крылцо<sup>11</sup>. Не ведал, что мое, а опосле, взявше у него писмо,

велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать; царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел-архимарит<sup>12</sup> и железа на него наложил, и Божиею волею железа разсыпалися на ногах пред людьми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи собираючи, есть. Так чернцы ужаснулись и архимариту сказали, что ныне Павел-митрополит; он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиновать стал: не любо стало, как опять я стал говорить, любо им, как молчу, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать<sup>13</sup> стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе<sup>14</sup> ходить. И мне от царя выговор был: «Власти, де, на тебя жалуются, церкви, де, ты запустил, поед, де, в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков<sup>15</sup>. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые, много, да все и осталось тут, токмо з женою и детми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей божиих учил, а их, пестрообразных зверей<sup>16</sup>, обличал.

